

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (С УКАЗАНИЕМ КОНКРЕТНОГО ЯЗЫКА ИЛИ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ)/LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (INDICATING A SPECIFIC LANGUAGE OR GROUP OF LANGUAGES)

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.171.21> EDN: AFBJBS

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ЭЛЕГИЯХ: ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИОННАЯ СЕТЬ

Научная статья

Смурова О.В.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-2794-5695;¹ Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (olsmurova[at]yandex.ru)

Предложена: 22.07.2026; Принята: 10.08.2026; Опубликовано: 17.09.2026

Аннотация

Статья посвящена исследованию механизмов концептуализации ирреальности в древнеанглийских элегиях на материале текстов *Экстерского кодекса*. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего субъектив, модальные глаголы, безличные конструкции и отрицательное согласование как самостоятельные грамматические явления, в работе предлагается их интегральное описание как элементов единой функциональной конструкционной сети. Теоретическую основу исследования составляют Construction Grammar и теория ментальных пространств, позволяющие рассматривать морфосинтаксические конструкции не только как средства языкового выражения, но и как когнитивные механизмы формирования альтернативных ментальных пространств.

Материал исследования включает древнеанглийские элегии *Экстерского кодекса* общим объемом 3010 словоупотреблений. Применяются методы сплошной выборки, конструкционного, контекстуального и когнитивно-семантического анализа. Выделены три взаимосвязанные когнитивные функции морфосинтаксических конструкций: инициация альтернативного сценария, его субъективная актуализация и последующая деактуализация. Конструкции с претерито-презентным глаголом *sculan* и синтетическим субъективом преимущественно иницируют альтернативные ментальные пространства, безличные экспериенциальные конструкции с предикатами *þyncan* и *langian* переводят их во внутренний опыт персонажа, придавая ему субъективную достоверность.

Кумулятивное отрицание, контрфактические конструкции и переход к глаголам эмпирического восприятия деактуализируют эти пространства, представляя их как утраченные, недоступные или несовместимые с действительностью. При этом ни одна из этих функций не закреплена за конструкцией жёстко: их распределение определяется не формальным происхождением конструкций, а совместным участием в организации альтернативных пространств памяти, изгнания, возможной судьбы и религиозной надежды в пределах конкретного текста. Полученные результаты уточняют роль морфосинтаксической организации в процессах концептуализации и расширяют возможности применения конструкционного подхода к историческому языковому материалу.

Ключевые слова: ирреальность, древнеанглийская элегия, функциональная конструкционная сеть, Construction Grammar, теория ментальных пространств, синтетический субъектив, *sculan*, безличные конструкции, кумулятивное отрицание, концептуализация.

THE CONCEPTUALISATION OF IRREALITY IN OLD ENGLISH ELEGIES: A FUNCTIONAL STRUCTURAL NET

Research article

Smurova O.V.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0007-2794-5695;¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (olsmurova[at]yandex.ru)

Suggested: 22.07.2026; Accepted: 10.08.2026; Published: 17.09.2026

Abstract

The article is devoted to an analysis of the mechanisms of conceptualising unreality in Old English elegies, based on texts from the Exeter Codex. In contrast to the traditional approach, which treats the subjunctive, modal verbs, impersonal constructions and negative agreement as independent grammatical phenomena, the work proposes an integrated description of them as elements of a single functional construction network. The theoretical basis of the research is provided by Construction Grammar and the theory of mental spaces, which allow morphosyntactic constructions to be viewed not only as means of linguistic expression, but also as cognitive mechanisms for the formation of alternative mental spaces.

The research material consists of Old English elegies from the *Exeter Codex*, totalling 3,010 word occurrences. The methods of continuous sampling, construction analysis, contextual analysis and cognitive-semantic analysis are applied. Three interrelated cognitive functions of morphosyntactic constructions are identified: the initiation of an alternative scenario, its subjective actualisation, and subsequent de-actualisation. Constructions with the preterite-present verb 'sculan' and the

synthetic subjunctive predominantly initiate alternative mental spaces, and impersonal experiential constructions with the predicates 'byncan' and 'langian' translate these into the character's internal experience, giving it subjective credibility.

Cumulative negation, counterfactual constructions and the shift to verbs of empirical perception de-actualise these spaces, presenting them as lost, inaccessible or incompatible with reality. At the same time, none of these functions are rigidly assigned to a particular construction: their distribution is determined not by the formal origin of the constructions, but by their joint participation in the organisation of alternative spaces of memory, exile, possible fate and religious hope within a specific text. The obtained results clarify the role of morphosyntactic organisation in processes of conceptualisation and broaden the scope for applying the constructionist approach to historical linguistic material.

Keywords: unreality, Old English elegy, functional construction net, Construction Grammar, theory of mental spaces, synthetic subjunctive, *sculan*, impersonal constructions, cumulative negation, conceptualisation.

Введение

Категория ирреальности охватывает языковые способы репрезентации ситуаций, не совпадающих с актуальным состоянием мира: возможных, предполагаемых, желаемых, неосуществившихся, утраченных или мысленно конструируемых. В древнеанглийском языке она не была закреплена за одной специализированной грамматической категорией, поэтому ирреальная интерпретация возникает во взаимодействии наклонения, модальности, отрицания, безличных синтаксических конструкций, лексического наполнения и дискурсивного контекста.

В элегиях Эксетерского кодекса смысловая организация строится на взаимодействии актуального настоящего с реконструируемыми пространствами прошлого, возможного будущего и религиозной надежды. Именно в этом взаимодействии последовательно реализуются языковые механизмы концептуализации ирреальности. Память об утраченном господине, изгнание, воображаемое восстановление социальных связей, многообразие предначертанных судеб и ожидание посмертного спасения образуют взаимосвязанные типы ирреальности, определяющие композицию элегического дискурса. Ирреальность здесь выступает не только как логическая контрфактичность, но и как способ когнитивной организации опыта, объединяющий память, желание, возможность, невозможность и переживание утраты.

Существующие исследования древнеанглийской грамматики подробно описывают синтетический субъюнктив, модальные глаголы, безличные конструкции и отрицательное согласование как самостоятельные языковые явления [10]. Их совместному функционированию в дискурсе уделяется значительно меньше внимания: грамматические средства ирреальности обычно рассматриваются изолированно, хотя их концептуальный вклад определяется не только собственной семантикой, но и взаимодействием конструкции с лексико-семантическим окружением и местом в композиции текста.

Теоретическую основу исследования составляют Construction Grammar [4], [7] и теория ментальных пространств [3], [9]. В рамках Construction Grammar конструкция понимается как единство формы и значения, семантика которого возникает во взаимодействии морфологических, синтаксических, лексических и дискурсивных компонентов. Теория ментальных пространств описывает механизмы введения неактуальных сценариев, их соотнесения с актуальной действительностью и изменения их когнитивного статуса в ходе развертывания дискурса.

Под альтернативным ментальным пространством в настоящем исследовании понимается когнитивная структура, представляющая ситуацию, не совпадающую с актуальным состоянием мира и возникающую во взаимодействии морфосинтаксической конструкции с ее лексическим и дискурсивным окружением. Для описания этого взаимодействия используется понятие «функциональная конструкционная сеть»: совокупность формально различных конструкций, распределяющих между собой функции инициации, субъективной актуализации и деактуализации альтернативных пространств [12]. В настоящем исследовании данный термин используется для обозначения не отношений наследования между конструкциями, принятых в Construction Grammar, а их функционально-когнитивной организации в пределах элегического дискурса.

Цель исследования: реконструировать функциональную конструкционную сеть, посредством которой древнеанглийские элегии концептуализируют ирреальность, т.е. определить участвующие в этом конструкции, установить их когнитивные функции и описать этапы формирования альтернативных ментальных пространств.

Гипотеза состоит в том, что морфосинтаксические конструкции древнеанглийских элегий образуют такую сеть, в которой разные конструкции распределяют между собой когнитивные функции концептуализации ирреальности, а их значение возникает во взаимодействии с лексическим наполнением и дискурсивным контекстом.

Методы и принципы исследования

Материалом исследования послужили древнеанглийские элегии, входящие в состав *Эксетерского кодекса* (*The Exeter Book*). Выбор этих текстов обусловлен тем, что в них представлены разные типы ирреальности: воспоминание об утраченном прошлом, вынужденное изгнание, альтернативные сценарии человеческой судьбы, религиозная надежда. Совокупный объем подкорпуса составил 3010 словоупотреблений. Тексты отобраны из ресурсов Языкового банка Финляндии (*Kielipankki*, Университет Хельсинки) с использованием корпусного менеджера *Korp* и сверены с *The Helsinki Corpus of English Texts*.

Отбор материала проводился методом сплошной выборки. В корпусе выявлялись контексты с формами претерито-презентного глагола *sculan* (*sceal*, *sceolde* и субъюнктивная форма *scyle*), морфология которых описана у Хогга [8], синтетическими формами субъюнктива, безличными экспериенциальными конструкциями с предикатами *byncan* и *langian*, а также отрицательными конструкциями с несколькими формально выраженными компонентами отрицания. Учитывалась не отдельная словоформа, а вся конструкционная конфигурация, включая семантику инфинитива, характеристики субъекта и лексику памяти, изгнания, смерти, утраты или спасения. Такой подход позволил

разграничить случаи собственно ирреальной интерпретации и употребления тех же форм в модальном, темпоральном или оценочном значении.

Анализ проводился в четыре этапа:

- 1) извлечение контекстов с потенциальными показателями ирреальности;
- 2) определение состава конструкции, типа синтаксической организации и морфологических характеристик компонентов;
- 3) реконструкция альтернативного ментального пространства (актуальное пространство повествования, конструируемая неактуальная ситуация, отношения между ними, способ концептуализации персонажа как субъекта действия, носителя внешне обусловленной судьбы либо экспериенцера);
- 4) определение роли конструкции в композиции элегии: вводит ли она альтернативное пространство, поддерживает его в сознании персонажа, противопоставляя актуальной действительности, либо маркирует его недоступность.

Интерпретация материала строится на двух принципах.

Во-первых, ирреальная интерпретация устанавливается только при расхождении между актуальным пространством текста и ситуацией, конструируемой всей морфосинтаксической конфигурацией, а не отдельной словоформой.

Во-вторых, формально неоднородные конструкции (флективные, синтаксические, отрицательные) объединяются в функциональную сеть не общим происхождением, а совместным участием в организации альтернативных ментальных пространств элегического дискурса.

Основные результаты

Морфосинтаксические средства ирреальности в древнеанглийских элегиях не изолированы: они складываются в функциональную конструкционную сеть, элементы которой различаются формальной организацией, но объединены участием в общей динамике альтернативных ментальных пространств. В материале выделяются три функции: инициация неактуального сценария, его субъективная актуализация в сознании персонажа и деактуализация.

3.1. Конструкции инициации неактуального сценария

Инициация осуществляется прежде всего конструкциями с претерито-презентным глаголом *sculan* и синтетическим субъюнктивом. Их объединяет способность вводить ситуацию, которая еще не реализована или интерпретируется как возможный, предписанный либо желаемый вариант развития событий.

В элегии «Скиталец» конструкция с формой *sceolde* организует пространство вынужденного изгнания: *...þeah þe hē mōdcearig geond lagulāde / longe sceolde hrēran mid hondum / hrīmcealde sē, wadan wræclāstas...* («...хотя он, печальный сердцем, по морским путям долго был вынужден двигать руками ледяное море, брести тропами изгнания...»). Деонтическим долженствованием ее значение не исчерпывается: в сочетании с *mōdcearig* («печальный сердцем»), *hrīmceald sē* («ледяное море») и *wræclāstas* («тропы изгнания») конструкция концептуализирует изгнание как внешне предписанный, пространственно развернутый путь. Синтаксическое разнесение модального компонента и зависимых инфинитивов усиливает представление о длительности и монотонности скитания.

Иную функцию выполняет *sceal* в элегии «Судьбы людей» (*The Fortunes of Men*). Здесь повторяющаяся схема *Sum sceal...* вводит целый ряд взаимоисключающих жизненных сценариев: *Sum sceal on gearum galgan ridan...* («Одному суждено оказаться на высокой виселице...»), *Sumne sceal hungor ahipan...* («Одного должен погубить голод...»), *Sumne sceal hreoh fordrifan...* («Одного должна погубить буря...»), *Sumne sceal gar agetan...* («Одного должно уничтожить копье...»). Та же конструкция используется и для благоприятных сценариев: *Sum sceal mid hearpan æt his hlafordes fotum sittan...* («Одному суждено сидеть с арфой у ног своего господина...»), *Sum sceal wildne fugel wloncne atemian...* («Одному суждено приручить гордую дикую птицу...»). Конструкция остается неизменной, а ее лексическое наполнение создает разные варианты судьбы: сама она задает лишь статус предстоящего, предопределенного события, тогда как аксиологическую окраску этому статусу придает лексика [5].

Особый тип конструкционной организации представлен в «Мореппавателе» (*The Seafarer*), где модальная и субъюнктивная маркировка объединены в одной словоформе: *...þæt hē gewyrce, ær hē on weg scyle...* («...пусть он совершит [добрые дела], прежде чем ему придется отправиться в путь...»). *Scyle* (презентный субъюнктив глагола *sculan*) вводит еще не реализованный, но неизбежный уход из жизни. В финале той же поэмы религиозная перспектива организуется уже целым кластером субъюнктивов: *Uton wē hycgan hwær wē hām āgen, ond þonne gefencan hū wē þider cūmen, ond wē þonne ēac tilien, þæt wē tō mōten in þā ēcan ēadignesse...* («Давайте подумаем, где мы дом имеем, и затем подумаем, как бы нам туда прийти, и постараемся, чтобы смогли бы [войти] в вечное блаженство...»). Три формы сослагательного наклонения подряд — *cūmen* («пришли бы»), *tilien* («постарались бы») и *mōten* («могли бы») — конструируют посмертное существование как желаемый, но не гарантированный исход. Глагол *āgen* («имеем») выбивается из последующей цепочки: он употреблен в индикативе, чтобы подчеркнуть, что существование небесного дома для автора является фактом, в то время как спасение конкретного человека — это гипотетический и трудный процесс.

Конструкции инициации образуют функционально неоднородный класс. Так, конструкции со *sculan* вводят предписанные или предопределенные сценарии, субъюнктив маркирует их неактуальный, желаемый или неопределенный статус, а их совмещение в форме презентного субъюнктива *scyle* позволяет представить событие одновременно как неизбежное и как еще не осуществившееся.

3.2. Конструкции субъективной актуализации альтернативных пространств

В отличие от *sculan* и субъюнктива, безличные экспериенциальные конструкции не столько вводят альтернативное пространство, сколько переводят его во внутренний опыт персонажа, придавая ему субъективную достоверность.

Ярче всего это видно на конструкции из «Скитальца»: *þinceð him on mōde þæt hē his mondryhten / clyppe and cysse, and on snēo lece / honda and hēafod...* («Кажется ему в мыслях, будто он своего господина обнимает и целует и кладет ему на колени руки и голову...»). Ее формальная организация может быть представлена следующим образом: [*þinceð* + датив экспериенцера + *on mōde* + пропозициональное содержание]. Предикат *þinceð* («кажется») обозначает кажимость, датив *him* («ему») маркирует экспериенцера, а группа *on mōde* («в мыслях») локализует ситуацию во внутреннем пространстве сознания персонажа. Он, таким образом, предстает не субъектом воображения, а экспериенцером, для которого содержание возникает в форме произвольного внутреннего переживания, актуализирующего прошлое не как воспоминание, а как временно переживаемую реальность. Достоверность этого пространства сохраняется до перехода к глаголам пробуждения: *Onwacneð þā eft wineleas guma, / gesihð him biforan fealwe wēgas...* («Пробуждается затем вновь лишенный друзей муж, видит перед собой желтые волны...»). Здесь противопоставление *þinceð* («кажется») и *gesihð* («видит») организует переход от внутреннего мира восстановленной близости к актуальному миру одиночества.

Функционально сходная конструкция обнаруживается в «Жалобе жены» (*The Wife's Lament*): *...þæt wit gewīdost in woruldrīce lifdon lādlicost, ond mec longade...* («...что мы жили в этом мире как можно дальше друг от друга, и меня охватила тоска...»). Экспериенцер здесь выражен формой *mec* («меня») при отсутствии грамматического субъекта: состояние возникает независимо от воли персонажа, как и в конструкции с *þinceð*, только без развернутого пропозиционального сценария, свойственного последней. Обе конструкции реализуют общий шаблон [безличный предикат + экспериенцер в косвенном падеже + неконтролируемое содержание] и концептуализируют внутренний опыт как нечто, возникающее вне волевого контроля субъекта.

3.3. Конструкции деактуализации

Конструкции деактуализации действуют в обратном направлении: они ограничивают альтернативное пространство, маркируют его недоступность либо отменяют его временную субъективную достоверность. Центральную роль здесь играет кумулятивное отрицание, но деактуализация возможна и через переход к глаголам эмпирического восприятия, и через сочетание отрицания с субъюнктивом.

В «Скитальце» абсолютная социальная изоляция выражена конструкцией *Nis nū cwicra nān...* («Нет теперь ни одного из живых...»): отрицание реализуется одновременно формой *nis* (слияние *ne* и *is*) и местоимением *nān*, и эти компоненты не нейтрализуют, а усиливают друг друга. Высказывание исключает саму возможность существования участников прежнего мира в настоящем героя, деактуализируя пространство памяти. В гномическом фрагменте той же элегии кумулятивное отрицание работает иначе: *...ne sceal nō to haetheort / ne to hrædwyrde, / ne to wac wiga ne to wanhydig, / ne to forht ne to fægen, ne to feohgifre...* («...не должен человек быть слишком вспыльчивым, ни слишком успешным в речах, ни слишком слабым воином, ни безрассудным, ни слишком робким, ни слишком радостным, ни слишком жадным до богатства...»). Здесь отрицание не разрушает, а конструирует нормативный идеал методом исключения недопустимого.

Наиболее сложная конструкция представлена в финальном контрфактическом сравнении: *...hū sēo þrāg gewāt, / genāp under nihthelm, swā hēo nō wære* («...как это время ушло, скрылось под шлемом ночи, словно его и не было»). Индикативные формы *gewāt* и *genāp* представляют исчезновение прошлого как факт, сравнительная конструкция *swā hēo nō wære* переводит его в контрфактический план, где реально существовавшее прошлое осмысливается так, как если бы его не было вовсе. Значение возникает из взаимодействия всех компонентов: союз *swā* вводит уподобление, отрицание аннулирует существование, субъюнктив *wære* маркирует неактуальный статус пропозиции [11].

Деактуализация может осуществляться и без отрицания. Так, в эпизоде пробуждения из «Скитальца» глаголы *onwacneð*, *gesihð* прекращают действие пространства, ранее актуализированного конструкцией с *þinceð*, восстанавливая актуальное пространство повествования. Отрицательные конструкции дополнительно маркируют невозможность возврата к утраченному миру.

3.4. Функциональная организация сети

Взаимодействие описанных конструкций не образует жесткой, обязательной для всех текстов последовательности. Наиболее полно все три функции реализованы в «Скитальце»: *sceolde* иницирует пространство изгнания, *þinceð him on mōde* актуализирует память о близости, пробуждение и кумулятивное отрицание деактуализируют это пространство, а *swā hēo nō wære* завершает процесс, лишая прошлое онтологического статуса. В других элегиях преобладают отдельные функции. В «Судьбах людей» — инициация альтернативных сценариев посредством повторяющейся конструкции *Sum sceal...*, в «Мореппавателе» — разграничение неизбежной смерти и негарантированного спасения через взаимодействие *sculan* и субъюнктива, в «Жалобе жены» — субъективная актуализация через безличную конструкцию с *langian*.

Ни одна из выделенных функций не закреплена за определенной конструкцией. Так, кумулятивное отрицание способно не только деактуализировать пространство, но и формировать нормативный идеал через исключение нежелательного, а субъюнктив способен как иницировать альтернативный сценарий, так и участвовать в его деактуализации. Функциональная роль определяется не отдельной формой, а положением конструкции в конструкционной сети [6], а ее конкретное содержание — местом в дискурсе элегии. Ирреальность в древнеанглийских элегиях, соответственно, не локализуется в одном грамматическом показателе, а возникает из взаимодействия морфологии, синтаксиса, лексики и композиции текста. Формально неоднородные конструкции объединяются в сеть не происхождением, а совместным участием в конструировании пространств памяти, изгнания, возможной судьбы и религиозной надежды.

Обсуждение

Специфика функциональной конструкционной сети определяется жанром элегии. В отличие от героического эпоса, ориентированного на внешнее действие, элегия концентрируется на внутреннем опыте, памяти и осмыслении

недостижимых сценариев, поэтому альтернативные пространства здесь процессуальны: они возникают, трансформируются и утрачивают актуальность по ходу повествования.

Формально разнородные конструкции при этом способны обслуживать один и тот же тип ирреальности с разных сторон: память об утраченном прошлом формируется взаимодействием безличных, отрицательных и контрфактических конструкций, религиозная надежда — сочетанием модальных конструкций и субъюнктива, альтернативные судьбы — повторяющейся моделью с *sculan*. Следовательно, разные морфосинтаксические средства не конкурируют, а распределяют когнитивные функции сообразно задачам конкретного фрагмента.

Полученные результаты расширяют возможности применения Construction Grammar к анализу исторического языкового материала. Классические работы сосредоточены на внутренней организации конструкции и отношениях наследования между ними [11]. Материал элегий показывает, что самостоятельным объектом описания может быть и функциональная организация сети формально неоднородных конструкций, объединенных общностью когнитивных функций, а не происхождением или структурным сходством [12], [1]. Тем самым древнеанглийская элегия предстает как тип дискурса, в котором грамматика выступает не только средством репрезентации, но и механизмом концептуализации: конструкции не выражают уже сложившиеся значения ирреальности, а последовательно создают, поддерживают и трансформируют альтернативные пространства.

Заключение

Концептуализация ирреальности в древнеанглийских элегиях обеспечивается взаимодействием функциональной конструкционной сети, куда входят разные по формальному устройству морфосинтаксические конструкции. Конструкции с претерито-презентным глаголом *sculan* и синтетическими формами субъюнктива преимущественно иницируют альтернативные сценарии, безличные экспериенциальные конструкции переводят их в сферу субъективного переживания, а отрицательные и контрфактические конструкции изменяют их когнитивный статус, представляя альтернативное пространство как утраченное, недоступное или несовместимое с действительностью. Тем самым подтверждается гипотеза о распределенном характере концептуализации ирреальности, при котором значение возникает не в отдельной конструкции, а в результате их функционального взаимодействия.

Предложенная модель дополняет конструкционно-грамматические исследования исторического языка, смещая акцент с отношений формального наследования на функциональное взаимодействие конструкций в дискурсе. Перспективы дальнейшей работы связаны с проверкой модели на материале других жанров древнеанглийской словесности и с изучением ее динамики в среднеанглийский период, когда система языка уже проходит через активный аналитический дрейф [2]. Это позволило бы проследить, как изменения морфологического и синтаксического строя английского языка повлияли на способы концептуализации ирреальности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.171.21.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the International Research Journal
DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.171.21.1>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Diessel H. The Grammar Network: How Linguistic Structure Is Shaped by Language Use / H. Diessel. — Cambridge : Cambridge University Press, 2019. — 289 p. — DOI: 10.1017/9781108671040
2. Fanego T. English motion and progressive constructions, and the typological drift from bounded to unbounded discourse construal / T. Fanego // Language Sciences. — 2024. — Vol. 101. — DOI: 10.1016/j.langsci.2023.101598.
3. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 240 p. — DOI: 10.1017/CBO9780511624582.
4. Fillmore C.J. The mechanisms of "Construction Grammar" / C.J. Fillmore // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. — 1988. — Vol. 14. — P. 35–55. — DOI: 10.3765/bls.v14i0.1794
5. Goldberg A.E. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language / A.E. Goldberg. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — 288 p.
6. Hilpert M. Ten Lectures on Diachronic Construction Grammar / M. Hilpert. — Leiden; Boston : Brill, 2021. — 282 p. — DOI: 10.1163/97890044467866
7. Hoffmann T. Construction Grammar: The Structure of English / T. Hoffmann. — Cambridge : Cambridge University Press, 2022. — 326 p. — DOI: 10.1017/9781139004213
8. Hogg R.M. A Grammar of Old English: A Grammar of Old English / R.M. Hogg, R.D. Fulk. — Malden, Ma : Wiley-Blackwell, 2011. — Vol. 2. — 407 p. — DOI: 10.1002/9781444327472
9. Kwon I. Mental Spaces Theory and Multilayered Meaning Construction / I. Kwon // WIREs Cognitive Science. — 2025. — Vol. 16, № 2. — DOI: 10.1002/wcs.70002
10. Mitchell B. Old English Syntax / B. Mitchell. — Oxford : Clarendon Press, 1985. — Vol. 1. — 884 p.
11. Perek F. Construction Grammar and Usage-Based Theory / F. Perek // The Handbook of Usage-Based Linguistics. — Hoboken : Wiley Blackwell, 2023. — P. 215–231. — DOI: 10.1002/9781119839842.ch12
12. Sommerer L. Nodes and Networks in Diachronic Construction Grammar / L. Sommerer, E. Smirnova (eds.). — Amsterdam; Philadelphia : John Benjamins, 2020. — 361 p. — DOI: 10.1075/cal.27